

Серия «Тайны института благородных
девиц. Детективы Е. Михалёвой»

Безупречные создания

Красный кардинал

Елена Михалёва

КРАСНЫЙ
КАРДИНАЛ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Дизайн обложки *Д. Васильченко*

Михалёва, Елена Алексеевна.

М69 Красный кардинал : [роман] / Елена Михалёва. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211605-6

Воспитанница Смольного института Варя Воронцова мечтала о вечере на балу у князя Куракина — она должна была блистать в светском обществе и танцевать с кавалерами, но торжество обернулось для девушки кошмаром. После вальса молодой юнкер дал девушке милую брошку, а на следующий день по всему Петербургу разлетелась весть, что у князя Куракина неизвестные прямо во время бала украли фамильную драгоценность — брошь.

Теперь за Варей идёт настоящая охота: представители властей ищут виновника пропажи, а злоумышленники — человека, который встал у них на пути. Чтобы спасти жизнь и репутацию, Варваре придётся тайно расследовать это преступление и найти настоящего вора.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211605-6

© Михалёва Е.А., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Моему сыну Славе посвящается.

Ты — моя главная Муза.

От автора

Глава 1

Начинать учебный год с праздника — великое благо. Да и возвращаться с летних каникул в стены института, зная, что в первый же день занятий намечается бал, легко и приятно.

А всё дело в том, что младшей дочери князя Куракина, прелестной Верочке, пророчили получение золотого шифра. Его сиятельство дочкой страшно гордился. И без того щедрый меценат, Куракин добился официального разрешения и организовал бал по случаю начала учёбы. Якобы ради всех старших смолянок и их трудолюбивых классных дам. Но Варя отлично понимала, что благодарить нужно лишь Веру и её папеньку, который изо всех сил старался устроить будущее дочери наилучшим образом.

Сама Варвара Воронцова с Верой Куракиной прежде общалась мало из-за разницы в возрасте: Варя училась в Смольном последний год, Куракина же, будучи младше, только теперь сменила голубое платье на белое. Оттого и не было поводов для зарождения дружбы между ними. «Голубые» институтки причиняли более всех хлопот. Они придумывали обидные прозвища младшим

«кофейным» девочкам, подначивали старших «белых» воспитанниц и донимали классных дам всяческими глупостями. Но стоило им перейти на следующую ступень обучения, как несносный нрав улетучивался, словно испарившаяся в жару вода. У «белых» смолянок интерес был один — являть собой образец для подражания. А в идеале ещё и выпуститься с отличием, получив золотой шифр из рук самой императрицы. Верочка Куракина стремилась к тому всей душой. Чтобы не разочаровывать папеньку, судя по всему. Варвара Воронцова за честолюбие никого не осуждала, хоть сама ничего подобного не демонстрировала никогда.

Отсюда и устроился бал, как по мановению волшебной палочки крёстной феи из сказки. Князь Куракин не пожалел средств и связей, чтобы собрать в своём доме под благовидным предлогом всю «золотую молодёжь» Петербурга не только из Смольного, но и из прочих институтов, университетов и военных училищ. Негласной звездой вечера обозначилась белокурая Верочка Куракина, но и прочие институтки были взволнованы не менее по дороге в дом князя.

Варя сочла, что «дом» — это вопиющее преуменьшение, призванное обратить на себя внимание наиболее банальным образом. Особняк Куракиных, горделиво возвышавшийся на берегу полноводной Невы, следовало величать не иначе как дворцом. Помпезное небесно-голубое здание с белоснежными колоннами, ажурными барельефами, высокими окнами и золочёными статуями напоминало работу Растрелли или же искусную стилизацию под его труды.

Дом князя раскинул свои громадные флигели по обе стороны от главного здания, будто крыльями стремился обнять мутноватую Неву. Река, напитанная обильными

августовскими дождями, билась о закованные в гранит берега. К счастью, первое сентября смиростивилось ясной погодой. Осень дарила последние крохи тепла, обещая ласковое бабье лето, вслед за которым неизбежно настанет стылая петербургская хмарь. В том крылся ещё один повод для радости — девушкам позволили надеть летние бальные платья.

Белыми лебёдушками они чувствовали себя, когда высыпали из подъехавших к дому Куракина экипажей. Их кипенные матовые платья с короткими рукавами выглядели совершенно одинаково: бальное декольте открывало шею и верхнюю часть груди спереди, а сзади — обнажало часть спины и нежных плеч. На руках у каждой красовались лайковые перчатки до середины локтя. Волосы были завиты и уложены в одинаковые причёски.

Никаких лент, кружев или украшений девушкам не позволили. Исключение сделали лишь для вееров. По обыкновению, смолянки брали на балы одинаковые белые веера, но к Куракину им разрешили взять любой свой неяркий бальный веер приличного вида. Оттого теперь они и тихо хвастались друг перед другом, раскрывая веера как бы невзначай и улыбаясь.

— Вы видели веер Софии Владимировны? На нём вышиты премиленькие колибри.

— Charmant!¹

— А у Додо на веере розовые пионы.

— Не слишком ли ярко?

— Pas du tout². Они очень нежные.

— А у вас что, Варвара Николаевна?

¹ Очаровательно! (фр.)

² Вовсе нет (фр.).

Варя развернула свой бледно-голубой веер, демонстрируя вышитый перламутровыми нитками рисунок.

— Пальмовые листья. — Она улыбнулась подругам. — Мне его из Парижа привезла тётя.

— Прелесть.

— Merci¹, — ответила Варя, отворачиваясь, чтобы получше рассмотреть дом Куракиных.

Она сама от нечего делать ещё в дороге изучила веера подруг, поэтому весь этот обмен любезностями её мало волновал. У всех смолянок были примерно одинаковые веера: нежно-розовые или лимонно-жёлтые, изображавшие птиц и цветы и украшенные ажурным кружевом. Голубые оказались лишь у неё и у Эмилии Драйер. Но, в отличие от Вариного, на веере Эмилии Карловны красовались вышитые белым птичьими пёрышками. Ничего вопиюще-скандального или чрезмерно яркого.

Классные дамы со свойственной им строгостью пресекали болтовню воспитанниц и, построив их парами, повели ко входу во дворец, где двое швейцаров в парадных ливреях из пламенно-красного сукна, расшитого золотыми галунами, распахнули перед ними тяжёлые створки дверей. Вид у обоих слуг был столь торжественный, словно принимали государя, а не юных институток. Впрочем, Варя сочла, что это сравнение недалеко от истины, ведь с ними прибыла и Вера Куракина, ради которой её папенька и расстарался.

— Милости просим, дорогие дамы! Вас ожидают, пожалуйста! — поприветствовал один из швейцаров, а сам разулыбался наиболее тёплым образом. Он пошёл следом за девушками: — Проходите. Вот тут можно прихорошиться, а ежели нужно уединения, за той дверью

¹ Спасибо (фр.).

у нас гардероб. Там для вас специально будуар устроили, милые барышни. Не стесняйтесь.

Белые лебедушки парами всплыли в прохладное помещение, где вдоль стен между колонн на одинаковом расстоянии висели громадные зеркала в резных рамах тёмного дерева. Эти зеркала создавали своими отражениями бесконечный лабиринт коридоров — иллюзорное пространство, в котором, кажется, можно затеряться среди таких же молочных юных дев, похожих друг на друга, будто сёстры.

Девушки остановились перед зеркалами. Они разглядывали не только себя со всех сторон, но и своих подруг, чтобы убедиться, что все они выглядят идеально и достойны громкого имени Смольного института.

Варя едва мазнула взглядом по собственному отражению: там ничего интересного. Всё в точности, как и перед выездом, а если бы её бальный наряд помялся или густые пепельно-рыжие волосы выбились из причёски, сердобольные подружки уже наверняка сообщили бы ей. Варвару более заинтересовала окружающая обстановка.

На высоких покатых потолках красовалась роспись, изображавшая пухлощёких ангелочков среди кучерявых облаков. Рисунок спускался к витым колоннам, у подножия которых стояли массивные вазоны с цветами. Резные узоры, белый камень и золотые вензеля создавали ощущение праздника. Всё сверкало богатством и роскошью, а натёртый воском паркет был таким скользким, что с непривычки можно растянуться, не дойдя до беломраморной лестницы на второй этаж.

У нижних ступеней девушек уже ожидал третий швейцар — высокий, молодцеватый и строгий, точно генерал на плацу. Он поприветствовал смолянок учти-

вым поклоном и сообщил, что сопроводит их в бальную залу.

Белые лебёдушки, влекомые томительным предвкушением чего-то совершенно волшебного, всё так же парами под неусыпным надзором классных дам поднялись на второй этаж и прошествовали к раскрытым дверям праздничного зала, из которого лилась чарующая мелодия виолончели.

Здесь горели электрические лампочки в громадных хрустальных люстрах под потолком. Их свет бился о кристаллы подвесок и ложился радужными бликами на танцующие пары, юные и свежие, точно цветы.

Гостей к этому часу внутри собралось прилично. Сплошь выдающиеся воспитанники лучших учебных заведений Петербурга (либо самые благородные представители русской аристократии). Юные девушки в скромных платьях стояли либо сидели на бархатных стульях вдоль стен. За их спинами зоркими коршунами занимали места классные дамы и компаньонки. Студенты университетов в лучших костюмах прохаживались меж ними, отыскивая родственниц и приветствуя друг друга. Но более всех выделялись юнкера в парадных униформах военных училищ. Все они статью и выправкой разительно отличались от прочих юношей. Они казались настоящими красавцами, старались выглядеть старше своих лет и тщательно ухаживали за первыми усами (у некоторых — весьма смешными, как почудилось Вале). Юнкера бросали на институток заинтересованные взгляды, но в большинстве своём приглашать на танец незнакомых барышень стеснялись.

Тем временем к смолянкам навстречу вышел хозяин дома, при полном параде и увешанный наградами. Сам Александр Петрович Куракин продемонстрировал во

сто крат раздутое радушие. Он поцеловал руки каждой классной даме, запечатлел отеческий поцелуй на щеке зардевшейся Верочки и рассыпался в комплиментах по отношению к прочим девушкам. Разумеется, не поимённо, а своего рода оптовым образом.

Варя ответила вежливой улыбкой и лёгким реверансом. Гостеприимные распинательства князя она выслушала вполуха, пока он провожал смолянок к специально отведённым для них местам.

Бальная зала поражала как своим размахом, так и общим изяществом убранства. Тяжёлые бархатные портьеры вишнёвого цвета, украшенные золотыми кистями, подчёркивали размеры громадных окон, сквозь которые лился мягкий вечерний свет. Электрические же люстры освещали всё пространство равномерно. Казалось, некоторые светильники висят специально так, чтобы подсвечивать узоры капителей и лепнину под потолком. Вдоль стен тянулись колонны. Меж двумя из них расположились музыканты и хор. Между остальными стояли столы с лёгкими закусками или же устроены были места для посиделок с мягкими стульями в два-три ряда, будто в театре. Всё празднично, ярко, пёстро. А дальняя стена зала и вовсе представляла собой громадное, в полтора человеческих роста зеркало в золочёной раме, такое вычурное и помпезное, что весь зал в нём отражался, становясь зрительно ещё больше и богаче.

Девушки, внезапно оробевшие от нахлынувших впечатлений, скромно опускали глаза. Они устроились на мягких бархатных стульях в отведённом для них уголке, пока классные дамы обменивались вежливостями с хозяином бала.

— Вот бы влюбиться, — мечтательно прошептала Мариночка Быстрова, дочь статского советника.

— В кого только, Марина Ивановна? — снисходительно вздохнула Анна Шагарова, дочка капитана лейб-гвардии. — Не на кого и взглянуть.

— И вправду не на кого, — хихикнула её сестра Наденька, а сама стрельнула глазками в сторону проходивших мимо студентов.

— Не будьте скучны, девочки. — Марина взмахнула лимонно-жёлтым веером, который чудесно подходил к её тёмно-каштановым кудрям. — Прошлый год был сложным. Лето выдалось страшным. — Она перекрестилась. — А этот последний год учёбы не обещает нам ничего, кроме муторной тоски. Когда же ещё влюбиться, если не теперь? Ощутить юность и лёгкость первых нежных чувств. *Pas vrai, Émilie?*¹

Эмилия Карловна, горящая румянцем, запоздало кивнула. Её взгляд был прикован к танцующим парам.

— Видите, дамы, Эмили мои мысли не только разделяет, но уже высматривает, на кого бы положить глаз, — шепнула Марина.

Девушки тихо рассмеялись, за что немедля заработали укоризненный взгляд от классной дамы.

Марья Андреевна Ирецкая невыносимым нравом не отличалась, но на подобных мероприятиях бывала с воспитанницами требовательнее, чем иной капитан со своими кадетами. Их драгоценная воспитательница снискала в классе не только безоговорочное уважение, но и особо тёплую привязанность, схожую с искренней любовью.

Марье Андреевне едва миновало пятьдесят в прошлом году. Была она росту невысокого, имела большие выразительные глаза оливкового цвета, миниатюрный, чуть загнутый по-орлиному нос и густые брови, отчего

¹ Верно я говорю, Эмилия? (фр.)

составляла некое сходство с совой, которое лишь усиливалось, когда Ирецкая хмурилась или в осуждении поджимала губы. За её холодной и сухой внешностью застѣгнутой на все пуговицы учительницы скрывалась искрениая терпеливая личность. На Варвару Воронцову это терпение распространялось весьма часто. На то были причины, о которых на балу думать совершенно не хотелось.

— А что же вы, Варвара Николаевна, вовсе нашего настроя не разделяете? — вопрос Анны Шагаровой застал Варю врасплох. Особенно из-за того, что одноклассницы в их узком кружке мигом повернули к ней головы.

Варя, сидевшая на стуле с прямой спиной, кажется, выпрямилась ещё ровнее под их любопытными взорами. Она неторопливо расправила подол платья на коленях и одарила подруг снисходительной улыбкой, которая получалась у неё превосходно.

— Mon Dieu¹. Вздор всё это, — ответила Варвара тихо, чтобы не привлекать внимания классных дам или других смолянок, занятых собственными беседами. — Все эти балы, адюльтеры и роскошества есть не что иное, как праздное баловство. Глупости, призванные потешить гордыню. Но глупости, не спорю, приятные, оттого и столь почитаемые в обществе. Поэтому, думаю, даже спустя сто, двести или тысячу лет подобные развлечения из моды не выйдут. Нам остаётся лишь смиренно принимать их. И следить за тем, чтобы перчатки не запачкались.

Она говорила мягко, без тени недовольства. Как говорила всегда.

¹ Боже мой (фр.).